

на Арсением Сухановым. Среди них — «Описание Эллады» Павсания (вторая половина XV в.), того же времени «Сравнительные жизнеописания» Плутарха (№ 29, 30 каталога) и манускрипт из Лавры св. Афанасия с сочинением Григория Богослова, защитными листами для которого был фрагмент рукописи VI в. (№ 32 каталога).

Отношения России с Иерусалимским патриархатом в XVII в. во многом сложились благодаря деятельности патриарха Феофана, который дважды побывал в Москве. Именно им в 1619 г. был поставлен в московские патриархи Филарет Никитич. На выставке экспонировалась повторная грамота Феофана об утверждении Филарета на русском патриаршем престоле, присланная взамен первой, сгоревшей в московском пожаре 1626 г. Вместе с иерусалимским патриархом прибыл в Москву и остался на службе у царя Иоанникий Грек, сыгравший видную роль в укреплении отношений России с православным Востоком. Деятельность патриарха Феофана была продолжена его преемником патриархом Паисием, позднее — патриархом Досифеем. Последний оставил особенно значительный след в духовной жизни России конца XVII в. На выставке представлены две грамоты Досифея, касающиеся «Дела патриарха Никона», а также его грамота, сопровождавшая присылку в Москву корпуса антилатинских сочинений. Некоторые из документов имеют собственноручную правку и записи иерусалимского патриарха.

В «Деле патриарха Никона» приняли участие видные церковные деятели, выходцы с Хиоса. Выставка знакомит нас с автографом Мелетия Грека, участвовавшего в организации Большого московского собора, с письмом к Алексею Михайловичу архиепископа хиосского Нового монастыря Кирилла, советовавшего низложить Никона. Мы видим фрагмент «Истории о московском соборе...» Паисия Лигарида, оказавшего сильное влияние на жизнь русской церкви второй половины XVII в. Греческий текст акта о низложении патриарха Никона был написан известным писцом Иоанном Сакулисом, также происходившим с Хиоса (№ 47 каталога).

Значительное место на выставке отводилось иконам, предметам культа и христианским святыням, привезенным русскому царю, членам его семьи, патриарху и другим влиятельным лицам. Помимо упомянутых

выше саккоса Кирилла Лукариса и иконы Богоматери Ивирской, следует отметить две чудотворные иконы Влахернской Богоматери, бывшей на протяжении многих веков защитницей Константинополя (№ 49, 50 каталога), несколько афонских напрестольных крестов, походный крест патриарха Никона и др.

Авторы каталога отмечают, что данный раздел мог бы быть значительно представленнее, но этому препятствуют недостаточная изученность как привезенных предметов культа, так и документов, сопровождавших их появление в России.

Несмотря на строгий отбор экспонатов выставки для публикации, каталог дает полное представление о том богатейшем пласте греческого культурного наследия XVII в., которое хранится в российских собраниях и прежде всего — в архивах, библиотеках и музеях Москвы.

Подробные исторические и искусствоведческие справки, сопровождающие публикуемые памятники, указатель литературы, превосходное полиграфическое исполнение, позволяющее увидеть палеографические особенности манускриптов, делают аннотируемый каталог прекрасным справочным изданием. Оно, несомненно, заинтересует широкий круг специалистов, занимающихся русско-греческими связями XVII в.

Н. П. Чеснокова

Б. А. Семеновкер.
Библиографические памятники
Византии.
М., 1995, 222 с.

Хотелось бы сразу же констатировать: для нас, византинистов, книга Б. А. Семеновкера представляет особый интерес, так как вскрывает совершенно новый пласт византийской культуры — культуры библиографической. Разумеется, сами по себе памятники византийской письменности, рассмотренные в книге, хорошо византинистам известны и изучены. Но, будучи выстроенными в единый ряд, включенными в более широкие координаты такой специальной дисциплины, как история мировой библиографии, и рассмотренными под определенным, не-

скольким неожиданным и нетрадиционным углом зрения, эти памятники высвечивают новые грани византийской культуры, бросают свет на новые духовные явления византийской цивилизации.

Приходится удивляться, что такого рода работы еще не было в богатой византиноведческой литературе. Ведь нам же было известно, что византийская культура — это культура по преимуществу письменная и книжная, для которой характерны распространение грамотности, достаточно обширный круг авторов и читателей, сосредоточение книг в публичных и частных библиотеках и как результат — образование у византийцев специфического «книжного мышления», по необходимости предполагавшего и достаточно высокий уровень библиографической культуры. Удивительно, что есть, оказывается, авторы, отвергающие сам факт наличия библиографической деятельности в Византии. Заслуга Б. А. Семеновкера в том и заключается, что он обратил на это свое пристальное и профессиональное внимание, вычленив новую, с точки зрения византиноведения, проблему.

Убеждает структура работы, подбор предназначенных для рассмотрения памятников, их группировка по типовым критериям. Конечно же, автор не мог обойтись без специальной главы, посвященной довизантийскому периоду в развитии греческой библиографии — античному и эллинистическому: являясь наименее оригинальной в книге, эта первая глава (с. 14–30) совершенно необходима как точка отсчета для всего дальнейшего исследования. В поле зрения автора не могли не попасть такие выдающиеся памятники византийской книжности, как «Онома-тологос» Исихия Милетского и словарь «Суда», «Библиотека» Фотия и «Палатинская антология», серия всевозможных энциклопедий, созданных в X в. по инициативе византийского императора Константина VII Багрянородного, законодательных сводов и т. д. Но надо было обладать особым «исследовательским вкусом», чтобы почувствовать «библиографическую перспективность» изучения греческих списков «истинных и ложных книг» и их реценции на Руси — пожалуй, наиболее оригинальная часть всей книги.

После задаваясь целью пересказать содержание глав работы, отмечу лишь добротню выполненные характеристики памятников,

внимательный и, как правило, компетентный анализ всего комплекса источниковедческих проблем, которые при этом вставали перед автором (датировка, авторство, вопросы подлинности тех или иных текстов и т. д.). Большой интерес представляют многочисленные наблюдения автора о тех элементах техники библиографических записей, принципах библиографической деятельности византийцев, которые сохранились до настоящего времени и включены в современный издательский стандарт, а также изучение Б. А. Семеновкером библиографических ссылок как вспомогательного исторического материала, источника новой фактографической информации, дающего новое знание и позволяющего решать вопросы атрибуции текстов и их датировки. «Манера оформления ссылок, типичная для определенного периода, школы или отдельного автора, — пишет Б. А. Семеновкер, — позволяет использовать их как одно из вспомогательных средств в исторических исследованиях, например, для отнесения произведения к тому или иному периоду, для идентификации авторов, для решения вопроса о принадлежности фрагмента определенному произведению и т. д.» (с. 101), и тот конкретный материал, который он приводит, делает его вывод весьма убедительным.

Хорошо представлены в книге словарь «Суда», сыгравший выдающуюся роль в сохранении древнегреческого и византийского библиографического материала (с. 37–46), и «Библиотека» Фотия как «произведение литературной критики и сборник текстов, в которых сохранились отрывки из утраченных сочинений древних и средневековых греческих авторов» (с. 47–66). Особый интерес у меня вызвали детальное описание приемов реферирования Фотием использованной им литературы, сведения о колляции им рукописей (с. 59). Анализ текста «Библиотеки», истории ее создания, использования и обработки вспомогательного аппарата показывает, что по разнообразию библиографических элементов и степени их унификации этот памятник является выдающимся, превосхитившим многие элементы библиографии нашего времени, особенно в сфере реферативной и обзорной информации (с. 66). Не могу не отметить и обращение автора книги к материалу юридических сборников. По наблюдениям Б. А. Семеновкера, определенные

библиографические традиции в гражданском и церковном праве Византии сложились под влиянием Юстинианова свода и особенно Дигест с их образцовым для своего времени библиографическим оформлением; начиная с VI в., ни одно юридическое сочинение не обходилось без библиографического оформления и лишь в VIII в. традиция прервалась: в Эклоге констатируется отказ от научного подхода к праву, а вместе с ним и от библиографического оформления (с. 97).

В целом исследование Б. А. Семеновкера дает, мне кажется, ясное представление о достаточно развитом состоянии греческой библиографии в византийский период ее истории и вполне подтверждает тезис о том, что развитие библиографии было непрерывным, начиная с ее возникновения во времена классической древности (ср. с. 160). Тем не менее, я не могу не отметить целый ряд упущений и недочетов, встречающихся в тексте книги.

Автор признает сам, что описанные в книге библиографические памятники не исчерпывают всех библиографических материалов, созданных за время существования византийской культуры (с. 161), и он, безусловно, имел право на ограничение: нельзя объять необъятное, тем более, что «определенное количество библиографических памятников было утрачено, многие еще ждут своих исследователей» (с. 162). И тем не менее жаль, что в поле зрения Б. А. Семеновкера не попал такой интересный материал, как древние византийские каталоги монастырских и светских библиотек, таких, например, как тщательно составленный в 1200 г. каталог богатейшей библиотеки Патмосского монастыря св. Иоанна Богослова¹ или стихотворный каталог юридической библиотеки Михаила Пселла, составленный им самим².

Для такой работы, как исследование Б. А. Семеновкера, особое значение приобретает вопрос использования критических изданий изучаемых памятников. Между тем, автор далеко не полностью использует имеющиеся возможности: есть, например, пре-

восходное критическое издание Эклоги³, в то время как Б. А. Семеновкер продолжает пользоваться русским переводом этого памятника, совершенно непригодным для целей его исследования; существуют критические издания трактата «О сроках»⁴, распространенной Эклоги — Эклогадия, многих других памятников, которые могли бы привлечь внимание историка византийской библиографии (см. особенно франкфуртскую серию Fontes Minores). Могло бы оказаться полезным и наше издание Земледельческого закона, парижский список которого (Paris. gr. 1367, XII в.) также повлиял бы на вывод автора об отсутствии библиографического оформления памятника⁵. Неудовлетворительно, я считаю, использовано новое критическое издание «Василик», теперь уже полностью завершено, причем здесь внимание следовало бы обратить не только на все 17 томов текста и схолий к нему⁶, но и критические рецензии таких авторитетов, как Зиноговиц, Зайдль, Вольтерра, публиковавшиеся по мере выхода в свет отдельных томов издания.

Автор не в курсе и того переворота, который совершила в последние годы во взглядах на законодательство императоров Македонской династии книга западногерманского историка А. Шминка, особенно в том, что касается датировки Прохирона и Эпанагоги (они поменялись местами, да и само название «Эпанагога» отвергнуто и доказано, что памятник назывался «Исагогой»⁷). Вообще в исходных сведениях о рассматривавшихся в книге юридических сборниках следовало бы руководствоваться новейшими справочниками, что позволило бы автору избежать многих неточностей⁸.

Чрезвычайно важный вывод Б. А. Семеновкера

³ Ecloga: Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos' V / Hrsg. von L. Burgmann. Frankfurt-am-Main, 1983.

⁴ F. Sitzia. Le Rhopai. Neapel, 1984.

⁵ Византийский Земледельческий закон / Под ред. И. П. Медведева. Л., 1984.

⁶ См. об этом издании нашу рецензию: ВВ, 1991, т. 52, с. 273–274.

⁷ См.: A. Schminck. Studien zu mittelbyzantinischen Rechtsbüchern. Frankfurt, 1986.

⁸ Sp. Troianos. OI πηγές του βυζαντινού δικαίου (Αθήνα-Κομοτηνή, 1986; H. Van der Wal, J. H. A. Lokin. Historiae Iuris Graeco-Romani Delineatio. Groningen, 1985.

¹ Ch. Astruc. L'inventaire dressé en septembre 1200 du trésor et de la Bibliothèque de Patmos: Edition diplomatique // Travaux et Mémoires. 1981, t. 8, p. 15–30.

² G. Weiss. Die juristische Bibliothek des Michael Psellos // JÖB, 1977, Bd. 26, S. 79–102.

новкера о существовании трех редакций греческих списков истинных и ложных книг (с. 129–154) все же несколько теряет в своем весе, когда подумаешь, что в целом рукописная традиция этих списков (а она — можно судить об этом а priori — весьма богата) еще не обследована. Кстати, в Византии, если не ошибаюсь, существовали списки истинных и ложных книг не только Ветхого и Нового Завета, но и сочинений отцов церкви, например, Иоанна Златоуста, которые также заслуживают внимания историка библиографии.

Влияние византийской библиографии на библиографию других народов было рассмотрено в книге на примере рецензии уже упомянутых списков истинных и ложных книг на Руси. Но, может быть, стоило бы упомянуть о деятельности (в том числе и в качестве библиографов) византийских и поствизантийских ученых и книжников в Западной Европе, таких, например, как карди-

нал Виссарион и особенно Лев Алляций, который воспринял и развил многие традиции древнегреческой и византийской библиографии и сделал выдающийся вклад в развитие западноевропейской ренессансной библиографии. Характеризуя историю складывания «Палатинской антологии» (с. 82–86), следовало бы учесть мнение и этого «первого византиниста», высказанное им в письме, которое хранится в архиве СПбФ ИРИ РАН и опубликовано мною в 39-м томе «Византийского временника» (1978, с. 121–123). Кстати, Лев Алляций и был тем человеком, который привез Гейдельбергскую Палатинскую рукопись с текстом корпуса античных эпиграмм в Ватикан (рукопись следует датировать не XI в., как это делается на с. 83, а X в.).

И. П. Медведев